

Выбросив эти мысли из головы, Тан Шэнь поднял правую руку и пристально посмотреть на нее. Пальцы слегка шевельнулись. Почувствовав какую-то странность, он вновь сжал ладонь в кулак. Вскоре Тан Шэнь позвал Яо Саня и принялся расспрашивать его о том, как идут дела в Тереме Сися.

Посреди ночи быть вызванным для разговора о торговле — Яо Сань растерялся, но ответил честно. Когда он собрался уходить, Тан Шэнь неожиданно произнес:

— Братец Яо, я тут недавно научился гадать по руке. Протяни ладонь, я посмотрю.

Яо Сань удивился:

— Молодой хозяин, когда это вы успели?

Не придав этому значения, он протянул правую руку Тан Шэню.

Тан Шэнь взял его за руку и стал внимательно разглядывать. В гадании он ничего не смыслил, поэтому наплел первое, что пришло в голову: «Суженая твоя уже близко, жизнь будет долгой и счастливой, а богатство не покинет тебя до конца дней». Затем Тан Шэнь с невозмутимым видом сжал руку Яо Саня и слегка потянул ее. Яо Сань не заметил ничего странного и, едва Тан Шэнь разжал пальцы, с поклоном удалился.

Когда Яо Сань ушел, Тан Шэнь уставился на свою ладонь, его веки дрогнули:

«...И отчего мне так мерзко?»

Яо Сань и помыслить не мог, что ни с того ни с сего Тан Шэнь подержал его за руку, не проронил ни одного доброго слова, да еще и счел всё это мерзким. Какая немыслимая несправедливость!

Ван Чжэнь взял Тан Шэня за руку без всякого злого умысла, но Тан Шэнь не мог выбросить это из головы. В его душе невольно зародилась странная мысль, однако он тут же качнул головой, отгоняя столь нелепое допущение.

Наступил восьмой месяц, приближался День рождения покойной императрицы-матери.

Вдовствующая императрица скончалась недавно, и Чжао Фу глубоко тосковал по ней. Он не хотел проводить этот день бездолжным образом и вознамерился устроить пышное празднество в честь Дня рождения покойной императрицы-матери. Обычно подобными делами ведал Министр ритуалов Мэн Лан, но в этом году Чжао Фу решил не поручать организацию Мэн Лану. В начале восьмого месяца он призвал трех своих сыновей-принцев во дворец.

Все трое принцев часто бывали во дворце, однако крайне редко собирались вместе, да еще и во Дворце Чуйгун.

Каждого из них одолевали сомнения. Едва они вошли в зал, Чжао Фу обратился к ним:

— Через полмесяца наступит День рождения покойной императрицы-матери. При жизни ваша бабушка души в вас не чаяла. Помните, на семейном пиру в прошлом году Вдовствующая императрица сама приготовила похлебку...

При этих словах голос Чжао Фу охрип. Он закрыл глаза и, переведя дух, продолжил:

— В этом году организацию празднества в честь Дня рождения покойной императрицы-матери

Я поручаю вам. Справитесь ли?

Принцы изумились, но разве смели они проявить небрежность:

— Сыновья ни за что не подведут Августейшего родителя.

Чжао Фу махнул рукой:

— Ступайте.

У каждого из трех принцев были свои замыслы. Вместе они покинули Дворец Чуйгун. Когда они ушли, Чжао Фу долго вглядывался в стоявший на столе чашку с чаем, после чего тихо произнес:

— С самых моих малых лет на каждом семейном пиру Вдовствующая императрица лично готовила похлебки. Когда Я был ребенком, её титул наложницы был невысок, и ей приходилось варить много супа. Позже ей нужно было готовить лишь для двоих-троих. Мне нравилась её стряпня, и Чжао Цюну тоже. Покойный император любил Вдовствующую императрицу именно за добродетель. Она всегда обо всем заботилась и ко всем относилась с добротой.

Никто не смел проронить ни слова в ответ на эти речи. Даже два чиновника, ведавшие записями о жизни государя, низко опустили головы, не смея даже громко вздохнуть.

Взгляд Чжао Фу туманился:

— Покойная императрица была из знатного рода, исполнена величия и великодушия, недостижима для простых смертных. Если бы Вдовствующая императрица не снискала славу добродетельной женщины, вряд ли покойный император обратил бы на нее внимание.

После долгого молчания Чжао Фу пробормотал:

— Выходит, Я и Чжао Цюн во всем пошли в Вдовствующую императрицу, а Чжао Сюань похож на императрицу... да, он совсем как покойная императрица...

В следующее мгновение Чжао Фу резко смахнул со стола пиалу на пол, и та со звонким треском разлетелась на куски.

Цзи Фу вздрогнул от испуга и поспешно бросился вперед:

— Не обожгли ли вы руку, Государь? Раб сей же час кличет лекарей! Эй, кто наливал этот чай? Почему он такой горячий, что Его Величество не смог удержать пиалу!

С этими словами Цзи Фу вскинул взгляд на молодого евнуха — своего названного сына Сэ Бао.

Сэ Бао встретился взглядом с Цзи Фу, его сердце затрепетало, но он мгновенно понял замысел приемного отца. Упав на колени, он завопил:

— Это раб налил чай! Раб виноват, молю Его Величество о наказании!

Чжао Фу вовсе не обожгся. Он поднял голову, мрачно посмотрел на распростертого на полу Сэ Бао и вскользь бросил:

— Всыпать ему пять палок.

Сэ Бао мысленно стenal от досады, когда стражники вытащили его наружу и отвесили пять чувствительных ударов.

Вечером Цзи Фу, взяв в Приказе лекарей первоклассную мазь от ран, пришел навестить своего названного сына. Сэ Бао лежал на кровати пластом, не в силах шевельнуться. Цзи Фу удерживал его от попытки подняться для поклона и с улыбкой спросил:

— Не затаил ли ты обиду на отца? Отец ведь делал всё ради твоей же пользы. Разве простым людям позволено видеть беспомощность и слабость Его Величества? Ты сегодня прикрыл Государя и получил за это пять палок, зато в будущем извлечешь из этого великую выгоду.

Ягодицы Сэ Бао горели огнем. Хоть злоба и захлестывала его, он вынужден был заискивающе улыбнуться:

— Сынок понимает, отец всё сделал ради моего блага.

Цзи Фу положил снадобье у кровати и предостерег:

— Не пытайся разгадывать помыслы Государя. Наш Император — мудрейший правитель всех времен. Твои мелкие хитрости могут укрыться от глаз отца, но не от глаз Его Величества. Слышал ли ты что-нибудь сегодня во Дворце Чуйгун?

Сэ Бао повел глазами:

— Ничего, сынок ничего не слышал.

Цзи Фу улыбнулся.

Весть о том, что Император намеревается с размахом отметить День рождения покойной императрицы-матери, быстро разнеслась по двору. Не прошло и дня, как всем стало известно, что Чжао Фу поручил это дело трем своим сыновьям.

Чиновники были потрясены. Проницательные люди с удивлением шептались:

— Не намек ли это Его Величества на то, что трем принцам пора участвовать в управлении государством?

Тан Шэнь уже покинул Дворец Циньчжэн. Когда вести дошли до его ушей, он невольно вспомнил слова, сказанные ему когда-то Ван Чжэнем.

Тан Шэнь ухмыльнулся:

«И после этого ты говоришь, что не небожитель? А кто же ты тогда, если не небожитель!»

День рождения покойной императрицы-матери приближался, и трое принцев погрузились в хлопоты.

В середине восьмого месяца Тан Шэнь вернулся в Поместье Таньхуа. Яо Сань доложил ему, что некий гость давно дожидается в доме и провел здесь уже полдня.

— Мой гость? — удивился Тан Шэнь и велел Яо Саню привести посетителя.

Им оказался мужчина средних лет в короткой куртке. Увидев Тан Шэня, он на мгновение замер от изумления: похоже, никак не ожидал, что снискавший в последние годы немалую

известность при дворе Тан Цзинцзэ окажется столь статным и красивым. Он знал, что Тан Шэнь молод, но одно дело — молодость, и совсем другое — привлекательность. Мужчина помешкал, после чего сложил руки в приветственном поклоне:

— Подчиненный Цюй Сяо, фэйцивэй из управы Цзиньлин, приветствует господина Тана.

— Фэйцивэй из управы Цзиньлин? Так вы господин Цюй. Чем обязан тому, что господин Цюй преодолел тысячи ли до Шэнцзина и разыскал меня? Есть какое-то дело?

Тан Шэнь много раз бывал в управе Цзиньлин, но никогда не встречал этого фэйцивэя.

На лице Цюй Сяо отобразилось замешательство. Поколебавшись некоторое время, он стиснул зубы:

— Шесть лет назад подчиненный несколько раз встречался с Великим ученым Ляном, который в то время занимал пост правителя управы Гусу, и помогал Великому ученому Ляну в кое-каких делах. Тогда же я услышал, что вы являетесь учеником Великого ученого Ляна.

Тан Шэнь широко раскрыл глаза от изумления.

Цюй Сяо горько ухмыльнулся:

— Не стану скрывать: у подчиненного возникла одна личная проблема, которую более невозможно таить. Мне ничего не оставалось, как прийти со своей мольбой к вам. Надеюсь, господин пожалеет меня ради памяти нашего общего знакомого и спасет мне жизнь. Впредь ничтожный слуга готов трудиться не покладая рук, дабы отплатить за вашу доброту!

В тишине поздней ночи Цюй Сяо с трепетом опустил голову и едва слышно закончил свою речь. Он долго ждал, но Тан Шэнь молчал. Осторожно подняв взгляд, он увидел в свете свечи Тан Цзинцзэ: его лицо напоминало сокровищный нефрит, а взгляд был столь суров и пронизателен, будто видящим насквозь. Сердце Цюй Сяо ушло в пятки. Человек перед ним был значительно моложе его, но от его присутствия перехватывало дыхание.

Тан Шэнь усмехнулся:

— Господин Цюй пожаловал ко мне этой ночью ради того, чтобы чиновник вроде меня нарушил закон ради личных интересов?

Цюй Сяо тут же возразил:

— Ничтожный слуга не смеет!

Тан Шэнь вскинул бровь и сурово произнес:

— Хорошо же твое «не смеет»! Раз не смеешь, то зачем пришел сегодня? Как ты и сказал, я действительно несколько раз виделся с Великим ученым Ляном Бовэнем и получил от него кое-какие наставления. Ну и что с того? Великий ученый Лян скончался много лет назад, какое отношение его дела имеют ко мне? Знаешь ли ты, какую должность я занимаю ныне?

Все эти дни Цюй Сяо был до предела измотан своими «личными делами». Прodelав долгий путь из управы Цзиньлин в Шэнцзин и обладая скромным чином, он не ведал о последних перестановках в чиновничьей среде. Он с испугом и сомнением уставился на Тан Шэня, а тот разразился строгим возгласом:

— Ныне я являюсь цзяньи дафу и несу службу в Цензorate!

Цюй Сяо словно громом поразило. Он оцепенел на месте.

Цензорат — орган, надзирающий за всеми чиновниками, словно острый меч, занесенный над головами сановников.

<http://bllate.org/book/18292/1757415>